

Законоучитель Курской классической гимназии, Протоіерей А. А. Танковъ.

(Продолженіе).

4.

Обучаясь въ богословскомъ классѣ семинаріи, А. А. Танкову, какъ лучшему ученику, приходилось составлять и говорить проповѣди, которыя онъ, по резолюціи о. ректора архимандрита Варлаама, произносилъ въ Троицкой монастырской церкви. Удостоенные этого семинаристы справедливо гордились такимъ отличіемъ, и мой родитель не разъ рассказывалъ мнѣ, какъ послѣ произнесенія имъ проповѣди на день Рождества Пресвятыя Богородицы группа офицеровъ, бывшихъ въ храмѣ, со вниманіемъ выслушавъ его слово, пожелали познакомиться съ молодымъ проповѣдникомъ и благодарили его, по поводу произнесеннаго слова. Предварительно оно было рассмотрѣно и одобрено о. ректоромъ, который положилъ на немъ слѣдующую рецензію: *Первая часть слова, равно и послѣдняя, раскрыты полно и назидательно; во второй части замѣтны натяжки. Слово вообще оживлено мыслями сильными, чувствами непритворными. Сочинитель впредь озаботится писать покрѣпче. Одобряется произнести во храмѣ.*

Также очень хорошо аттестовано слово А. А. Танкова на день тезоименитства Императрицы Александры Ѳеодоровны 21 апрѣля, на текстъ: *Да дастъ душа моя прошенію моему и людѣ мои моленію моему* (Эсфирь, VII, 3).

Слово сіе назидательно (такова была рецензія) и *мысли подкрѣплены сильнѣйшими доводами и доказательствами.*

Выше мы сказали, что о. ректоръ Варлаамъ достойно цѣнилъ дарованія и трудъ А. А. Танкова, который очень любилъ его. Изъ другихъ преподавателей большое вліяніе на него имѣлъ магистръ Красинъ, читавшій логику, психологию и философію. Цѣнилось въ семинаріи его краснорѣчіе, въ особенности лучшими учениками, а нужно сказать, что курсъ, къ которому А. А. принадлежалъ въ семинаріи, считался дарови-

тымъ. Изъ него въ Кіевскую духовную академію на казенный счетъ было послано и принято пять человѣкъ, да трое, по окончаніи средняго отдѣленія, ушли въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Первый ученикъ этого курса (до высшаго отдѣленія) Иванцовъ былъ необыкновенно талантливъ. Достаточно сказать, что составленные имъ періоды, образцы разсужденій и примѣры на правила риторики преподаватель словесности Д. Е. Любичскій рекомендовалъ ученикамъ списывать въ тетради и заучивать. Такъ оно и бывало. По окончаніи средняго отдѣленія, Иванцовъ поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію.

Къ товарищамъ А. А. Танковъ относился дружелюбно, но особенно близкихъ лицъ къ нему не было. Въ 1839 году онъ на казенный счетъ былъ отправленъ, въ Кіевскую духовную академію, чему былъ въ высшей степени радъ. Нѣкоторыя его воспоминанія объ академіи уже были напечатаны въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Теперь скажемъ, что онъ ожидалъ отъ академіи много хорошаго и не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Съ восторгомъ рассказывалъ онъ объ академическихъ лекціяхъ, о краснорѣчьи профессоровъ; о стремившихся къ свѣту высшей науки товарищахъ— студентахъ, стекшихся изъ разныхъ мѣстъ Россіи и даже изъ—за границы въ Кіевъ, о превосходномъ его климатѣ, о благолѣпномъ совершеніи богослуженій въ Софійскомъ соборѣ, Лаврскихъ храмахъ и Братскомъ монастырѣ, крестныхъ ходахъ, митрополичьемъ хорѣ, пѣніи: *Отъ востокъ солнца до запада*.. и т. под. Въ числѣ его товарищей были: архіепископъ Ярославскій Іоанафанъ, Харьковскій Нектарій, директоръ лѣснаго департамента И. В. Писаревъ, протоіереи П. Г. и А. Г. Лебединцевы, архимандритъ Антонинъ, бывший начальникъ Іерусалимской миссіи, Кіевскій протоіерей Колховъ.

Усердно предаваясь наукѣ, мой родитель въ пору академическаго студенчества стоялъ вдали отъ Кіевского общества и городской жизни. Вотъ маленький, но характерный, касательно этого, фактъ. На масляницѣ, какъ и всегда, въ столовой академіи подавался ужинъ для студентовъ. Но къ ужину въ масляничные дни никто не являлся. Кто былъ въ театрѣ, гдѣ